

Видение. Ги де Мопассан

Ги де Мопассан

(1850 – 1893)

Под конец дружеской вечеринки в старинном особняке на улице Гренель разговор зашел о наложении секвестра на имущество в связи с одним недавним процессом. У каждого нашлась своя история, и каждый уверял, что она вполне правдива.

Старый маркиз де ла Тур-Самюэль, восьмидесяти двух лет, встал, подошел к камину, облокотился на него и начал своим несколько дребезжащим голосом:

– Я тоже знаю одно странное происшествие, до такой степени странное, что оно преследует меня всю жизнь. Тому минуло уже пятьдесят шесть лет, но не проходит и месяца, чтобы я не видел его во сне. С того дня во мне остался какой-то след, какой-то отпечаток страха. Поймете ли вы меня? Да, в течение десяти минут я пережил смертельный ужас, оставшийся в моей душе навсегда. При неожиданном шуме дрожь проникает мне в самое сердце; если в темноте сумерек я неясно различаю предметы, меня охватывает безумное желание бежать. И, наконец, я боюсь ночи.

О, я никогда бы не сознался в этом, если бы не был в таком возрасте! Теперь же я во всем могу признаться. В восемьдесят два года позволительно не быть храбрым перед воображаемыми опасностями. Перед реальной опасностью я никогда не отступал, сударыни.

Эта история до такой степени все во мне перевернула, вселила в меня такую глубокую, такую необычайную и таинственную тревогу, что я никогда о ней даже не говорил. Я хранил ее в тайниках моего существа, там, где прячут все мучительные позорные тайны, все слабости, в которых мы не смеем признаться.

Я расскажу вам это приключение так, как оно случилось, не пытаюсь объяснить его. Конечно, объяснение существует, если только я попросту не сошел на время с ума. Но нет, сумасшедшим я не был и докажу вам это. Думайте, что хотите. Вот голые факты.

Это было в июле 1827 года. Я служил в руанском гарнизоне.

Однажды, гуляя по набережной, я встретил, как мне показалось, своего знакомого, но не мог вспомнить, кто он. Инстинктивно я сделал движение, чтобы остановиться. Незнакомец, заметив это, посмотрел на меня и кинулся мне в объятия.

Это был друг моей юности, которого я очень любил. В течение пяти лет, что мы не виделись, он словно постарел на пятьдесят лет. Волосы у него были совершенно седые, он шел сгорбившись, как больной. Увидев, как я удивлен, он рассказал мне свою жизнь. Его сломило страшное несчастье.

Влюбившись до безумия в одну девушку, он женился на ней в каком-то экстазе счастья. После года сверхчеловеческого блаженства и неугасающей страсти она вдруг умерла от болезни сердца, убитая, несомненно, такой любовью.

Он покинул свой замок в самый день похорон и переехал в руанский особняк. Здесь он жил в одиночестве, в отчаянии, снедаемый горем и чувствуя себя таким несчастным, что думал только о самоубийстве.

– Так как я встретил тебя, – сказал он, – то попрошу оказать мне большую услугу. Съезди в замок и возьми из секретера в моей спальне, в нашей спальне, кое-какие бумаги, крайне мне необходимые. Я не могу поручить это какому-нибудь подчиненному или поверенному, потому что мне необходимо полное молчание и непроницаемая тайна. Сам же я ни за что на свете не войду в этот дом.

Я дам тебе ключ от этой комнаты – я сам запер ее, уезжая, – и ключ от секретера. Ты передашь от меня записку садовнику, и он пропустит тебя в замок...

Приезжай ко мне завтра утром, и мы поговорим об этом.

Я обещал оказать ему эту небольшую услугу. Для меня она была простой прогулкой, потому что имение его находилось от Руана приблизительно в пяти лье. Верхом я потратил бы на это не больше часа.

На другой день в десять часов утра я был у него. Мы завтракали вдвоем, но он не произнес и двадцати слов. Он извинился передо мной; по его словам, он был необычайно взволнован мыслью, что я попаду в ту комнату, где погубило его счастье. В самом деле, он казался необыкновенно возбужденным, чем-то озабоченным, как будто в душе его происходила тайная борьба.

Наконец он подробно объяснил, что я должен сделать. Все было очень просто. Мне предстояло взять две пачки писем и связку бумаг, запертых в верхнем правом ящике стола, от которого он дал ключ.

– Мне нечего просить тебя не читать их, – прибавил он.

Я почти оскорбился этим словам и ответил немного резко.

– Прости меня, я так страдаю! – пробормотал он и заплакал.

Я расстался с ним около часа дня и отправился исполнять поручение.

Погода была великолепная, и я поехал крупной рысью через луга, прислушиваясь к пению жаворонков и ритмичному постукиванию моей сабли о сапог.

Затем я въехал в лес и пустил лошадь шагом. Молодые ветви ласково касались моего лица. Иногда я ловил зубами зеленый листок и жадно жевал его в порыве той радости жизни, которая беспричинно наполняет нас шумным и непонятным счастьем, каким-то упоением жизненной силой.

Приблизившись к замку, я вытащил из кармана письмо к садовнику и с удивлением увидел, что оно запечатано. Я был так изумлен и рассержен, что готов был вернуться, не исполнив поручения. Но решил, что проявлять подобную обидчивость было бы дурным тоном. К тому же мой друг был так расстроен, что мог запечатать письмо машинально.

Имение казалось брошенным уже лет двадцать. Развалившийся и сгнивший забор держался неизвестно как. Аллеи поросли травой; цветочных клумб и грядок совсем не было видно.

На шум, который я поднял, стуча ногой в ставень, из боковой двери вышел старик и, казалось, удивился, увидев меня. Я соскочил на землю и передал письмо. Он его прочел, вновь перечитал, перевернул на обратную сторону, посмотрел на меня снизу вверх и, положив письмо в карман, спросил:

– Ну, так чего же вы желаете?

Я резко ответил:

– Вы должны это знать, если получили приказания от вашего хозяина. Я хочу войти в замок.

Казалось, он был сильно смущен. Он спросил:

– Значит, вы пойдете в ее... в ее спальню?

Я начинал терять терпение.

– Черт возьми! Уж не собираетесь ли вы учинить мне допрос?

– Нет... сударь... – пробормотал он. – Но... но комнату не открывали с тех пор... с тех пор... с самой смерти. Если вам угодно подождать меня пять минут, я... я пойду... посмотрю...

Я гневно прервал его:

– Что? Вы, кажется, смеетесь надо мной? Ведь вы не можете туда войти, если ключ у меня.

Он не знал, что еще сказать.

– В таком случае я покажу вам дорогу, сударь.

– Укажите мне лестницу и оставьте меня одного. Я найду дорогу и без вашей помощи.

– Но... однако... сударь...

На этот раз я окончательно взбесился.

– Вы замолчите или нет? Не то вам придется иметь дело со мной.

Я оттолкнул его и вошел в дом.

Сначала я миновал кухню, потом две маленькие комнатки, где жил этот человек с женой. Затем очутился в огромном вестибюле, поднялся по лестнице и увидел дверь, описанную моим другом.

Я без труда отпер ее и вошел.

В комнате было так темно, что в первую минуту я ничего не мог различить. Я остановился, охваченный запахом гнили и плесени, какой бывает в нежилых, покинутых помещениях, в мертвых покоях. Потом мало-помалу глаза мои освоились с темнотой, и я довольно ясно увидел огромную комнату, находившуюся в полном беспорядке, с кроватью без простынь, но с матрацами и подушками, причем на одной из подушек осталась глубокая впадина, как будто от локтя или головы, словно недавно еще лежавшей на ней.

Кресла казались сдвинутыми с мест. Я заметил, что одна дверь, должно быть, от стенового шкафа, была полуоткрыта.

Первым делом я подошел к окну и хотел отворить его, чтобы дать доступ свету. Но болты на ставнях до такой степени заржавели, что никак не поддавались.

Я попытался даже сбить их саблей, но безуспешно. Так как меня раздражали эти бесполезные усилия, а глаза мои в конце концов привыкли к полумраку, я отказался от попытки осветить комнату и направился к секретеру.

Я уселся в кресло, откинул крышку и открыл указанный мне ящик. Он был набит до краев. Нужны были только три пакета, и, зная их по описанию, я принялся за поиски.

Я напрягал зрение, стараясь разобрать надписи, как вдруг мне показалось, что я слышу или, вернее, чувствую за собой шорох. Сначала я не обратил на него внимания, думая, что это сквозной ветер шелестит какой-нибудь занавеской. Но через минуту новое, почти

неуловимое движение вызвало во мне странное и неприятное чувство; легкая дрожь пробежала у меня по коже.

Было до того глупо волноваться, хотя бы и чуть-чуть, что я не стал даже оборачиваться, стыдясь самого себя. В это время я отыскал вторую нужную мне пачку и нашёл уже третью, как вдруг глубокий и тяжкий вздох за моим плечом заставил меня в ужасе отскочить метра на два от кресла. Я порывисто обернулся, схватившись рукою за эфес сабли, и, право, если бы я не нащупал ее сбоку, то бросился бы бежать, как трус.

Высокая женщина, вся в белом, неподвижно стояла за креслом, где я сидел за секунду перед тем, и смотрела на меня.

Я был так потрясен, что чуть не грохнулся навзничь! О! Никто не может понять этого ужасающего и тупого испуга, не испытай его на себе. Сердце замирает, тело становится мягким, как губка, и все внутри будто обрывается.

Я не верил в привидения, и что же? Я чуть не упал в обморок от мучительной суеверной боязни мертвецов; я перестрадал за эти несколько минут больше, чем за всю остальную жизнь, да, перестрадал в неодолимой тоске сверхъестественного ужаса.

Если бы она не заговорила, я, быть может, умер бы! Но она заговорила; она заговорила кротким и страдальческим голосом, вызывавшим трепет. Не посмею сказать, что я овладел собой и вновь получил способность рассуждать. Нет. Я был совершенно ошеломлен и не сознавал, что я делаю. Но моя внутренняя гордость – а также отчасти и гордость военная – заставила меня, почти помимо воли, сохранять достоинство. Я позировал перед самим собою и, вероятно, перед нею, кто бы она ни была – женщина или призрак. Во всем этом я отдал себе отчет уже позже, потому что, уверяю вас, в ту минуту я ни о чем не думал. Мне было только страшно.

Она сказала:

– О, сударь, вы можете оказать мне большую услугу.

Я хотел ответить, но не в силах был произнести ни слова. Из горла моего вырвался какой-то неопределенный звук.

Она продолжала:

– Вы согласны? Вы можете спасти, исцелить меня. Я ужасно страдаю. Я страдаю все время, о, как я страдаю!

И она тихо опустилась в мое кресло. Она смотрела на меня.

– Вы согласны?

Я утвердительно кивнул головой, так как голос все еще не повиновался мне.

Тогда она протянула мне черепаховый гребень и прошептала:

– Причешите меня, о, причешите меня! Это меня излечит. Надо, чтобы меня причесали. Посмотрите на мою голову... Как я страдаю! Мои волосы причиняют мне такую боль!

Ее распущенные волосы, очень длинные и, как мне показалось, черные, свешивались через спинку кресла и касались земли.

Зачем я это сделал? Почему, весь дрожа, я схватил гребень и взял в руки ее длинные волосы, вызвавшие во мне ощущение отвратительного холода, как будто я прикоснулся к змеям? Не могу объяснить.

Это ощущение так и осталось у меня в пальцах, и я вздрагиваю при одном воспоминании о нем.

Я ее причесал. Не знаю, как я убрал эти ледяные пряди волос. Я скручивал их, связывал в узел и снова развязывал, заплетал, как заплетают лошадиную гриву. Она вздыхала, наклоняла голову, казалась счастливой.

Вдруг она сказала мне: «Благодарю» – и, вырвав гребень из моих рук, убежала через ту полуоткрытую дверь, которую я заметил, войдя в комнату.

Оставшись один, я пробыл несколько секунд в оцепенении, будто проснулся от кошмарного сна. Наконец я пришел в себя. Я бросился к окну и бешеным ударом разбил ставню.

Волна света хлынула в комнату. Я подбежал к двери, за которой исчезло это существо, и увидел, что она заперта и не поддается.

Тогда меня охватила потребность бежать, тот панический страх, который бывает на войне. Я быстро схватил из открытого секретера три пачки писем, промчался через весь дом, прыгая по лестнице через несколько ступенек, и, не помню как, очутившись на воздухе, увидел в десяти шагах от себя свою лошадь. Одним прыжком я вскочил на нее и поскакал галопом.

Я остановился только в Руане, перед своей квартирой. Бросив повод денщику, я вбежал в свою комнату и заперся в ней, чтобы прийти в себя.

Целый час с душевной тревогой я спрашивал себя, не был ли я жертвой галлюцинации. Конечно, со мной случилось то непонятное нервное потрясение, то помрачение рассудка, какими порождаются чудеса и сверхъестественные явления.

Я готов был уже поверить, что это была галлюцинация, обман чувств, но, когда подошел к окну, взгляд мой случайно упал на грудь. Мой мундир весь был в длинных женских волосах, зацепившихся за пуговицы.

Один за другим я снял их и дрожащими пальцами выбросил за окно.

Потом я позвал денщика. Я чувствовал себя слишком взволнованным, слишком потрясенным, чтобы сразу отправиться к приятелю. Мне хотелось к тому же хорошенько обдумать, что ему сказать.

Я отослал ему письма, а он передал мне с солдатом расписку в их получении. Мой друг расспрашивал обо мне. Ему сказали, что я болен, что у меня солнечный удар и уж не знаю, что еще. Он, казалось, был обеспокоен.

Я отправился к нему на другой день рано утром, чуть рассвело, решив рассказать правду. Оказалось, что накануне вечером он ушел и не возвращался.

Днем я вновь заходил к нему, но его все еще не было. Я прождал неделю. Он не появлялся. Тогда я заявил в полицию. Его искали всюду, но не могли найти никаких следов; нигде он не проезжал, нигде не появлялся.

В заброшенном замке был произведен тщательный обыск. Ничего подозрительного там не нашли.

Ничто не указывало, что там скрывалась какая-то женщина.

Так как следствие ни к чему не привело, все поиски были прекращены.

И в течение пятидесяти шести лет я так ничего больше и не узнал. Ничего!

Примечания

1 Напечатано в «Голуа» 4 апреля 1883 года.